

ДИНАМИКА ПРОЕВРОПЕЙСКОГО КОНСЕНСУСА НА ПОСТЪЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

АНАСТАСИЯ МАЛЕШЕВИЧ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается становление внутривнутриполитического консенсуса относительно европейской интеграции в странах бывшей Югославии. Среди изучаемых случаев есть как полноправные члены Европейского Союза, так и страны-кандидаты, но модель отношений новых государств с Брюсселем с точки зрения переговорного процесса имеет похожую логику. Формирование консенсуса в данном случае подразумевает согласие всех системных политических партий с идеей вступления в ЕС как с главной стратегической целью, закреплённое в соответствующих межпартийных декларациях и резолюциях парламентов. Опорным концептом выступает феномен европеизации, которым описываются обратные эффекты интеграционного процесса, возникающие как следствие институционального влияния евроинтеграции на субъектов политического процесса в рамках отдельной страны. Проблематика формирования консенсуса между разными политическими силами по вопросу вступления в ЕС рассматривается как частный случай европеизации политических партий. Исследование выполнено в методологической традиции нового институционализма: автор ставит вопрос, как под влиянием институтов ЕС меняются интересы и программные установки постъюгославских политических партий. Для систематизации тенденций развития партий в постбиполярных условиях большое значение имела критика идеологии радикального центризма, указывающая на тенденцию к сближению идейных установок политических партий и к установлению неолиберального консенсуса (гегемонии). Достижение согласия между всеми парламентскими партиями в республиках бывшей СФРЮ по вопросу евроинтеграции и устойчивость сложившегося консенсуса выглядят неоднозначно с учётом того, что общественное мнение на разных стадиях интеграционного процесса было достаточно поляризованным, а особенно на фоне изменения политической конфигурации в Европе. Делаются выводы о том, что смещение политических партий на центристские позиции и восприятие любой альтернативы выбранному курсу как слишком радикальной способствовали устойчивости проевропейского консенсуса, но при этом отсутствие состоятельной политической ниши для выступающих против евроинтеграции сил при их потенциально высокой народной популярности указывает на проблему демократического дефицита.

Ключевые слова:

европейская интеграция; европеизация; постъюгославское пространство; Балканы; политические партии; консенсус; радикальный центризм.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2023

Дата принятия к публикации: 16.11.2023

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: anastasia.maleshevich@gmail.com

После распада социалистической Югославии все бывшие федеративные республики взяли курс на европейскую интеграцию. Довольно быстро вступление в Европейский Союз как главная стратегическая цель новых государств стало предметом широкого внутриполитического консенсуса, несмотря на тяжёлый опыт недавних вооружённых конфликтов и противоречивую роль западных посредников в их урегулировании. Последующие кризисы, в том числе сецессия Косова, изменение геополитической обстановки в Европе и «усталость от расширения» внутри самого ЕС, лишь незначительно поколебали приверженность стран постъюгославского пространства европейскому пути.

Формирование внутриполитического консенсуса по вопросу евроинтеграции не может рассматриваться вне контекста институционального влияния Брюсселя на потенциальных кандидатов. Проблематика внутриполитических трансформаций, вызванных фактором евроинтеграции, описывается феноменом европеизации, которым принято обозначать возникшее в традиции нового институционализма в 1990-х годах направление на стыке теории международных отношений и сравнительной политологии [Radaelli 2000; Börzel, Risse 2000]. Методологическое сближение теорий неореализма и неолиберализма поставило в фокус исследования вопрос институционального воздействия на поведение и идентичности национальных игроков и сделало возможным изучение обратных эффектов европейской интеграции, особенно важное на этапе постепенного превращения ЕС в политику. При этом динамику развития консенсуса вокруг евроинтеграции разумно исследовать на материале политических партий, отражающих достаточно широкий спектр точек зрения, прошедших через ряд институциональных фильтров (в частности, парламентский и медийный).

Несмотря на то что политика в европейских странах имеет очевидный партийный характер, первые попытки описать институциональные изменения, происходящие

как реакция на интеграционный процесс, касались преимущественно сферы государственной (публичной) политики и поведения акторов на уровне исполнительной власти. Со временем стало понятно, что сужение пространства для манёвра, с которым сталкиваются правительства в условиях евроинтеграции, неизбежно отражается на деятельности политических партий. Широкой известностью пользуются две методологические рамки анализа европеизации политических партий и партийных систем, предложенные пионерами этого направления Р. Ладрехом и П. Майром [Ladrech 2002; Maïr 2000]. Они выявляют фактор влияния Брюсселя в изменениях партийных программ, конфигурации партийных систем и в особенностях выстраивания отношений национальных партий с государственной властью и с транснациональными партийными объединениями. Можно допустить, что появление в программах идеологических расколов по линии за или против евроинтеграции уже считается как проявление европеизации.

Мы предполагаем, что изменение программных установок постъюгославских политических партий в пользу утверждения консенсуса вокруг евроинтеграции связано с прямым или косвенным влиянием институтов ЕС. Формирование консенсуса в данном случае рассматривается как частный случай европеизации политических партий, чем, однако, не исчерпывается проблематика трансформаций идейно-политических и организационных установок постъюгославской партийно-электоральной сцены. Кроме того, в рамках исследований европеизации существует общее представление об инструментах давления, или механизмах кондициональности, с помощью которых ЕС добивается необходимых внутриполитических трансформаций в странах-кандидатах [Grabbe 2006; Schimmelfennig 2010]. На практике часто стимулами выступают предоставление финансовой и экономической помощи или визовая либерализация, но главным механизмом влияния (рычагом) неизменно остается перспектива вступления в ЕС.

Финансовая помощь и визовые вопросы, очевидно, сыграли свою роль в принятии значимых политических решений постъюгославскими элитами, но ими переговорная повестка не исчерпывается. Поскольку ключевым стимулом остается продвижение по пути европейской интеграции, а одним из препятствий в начальной стадии являлось отсутствие широкого внутривнутриполитического консенсуса по этому вопросу, то необходимо было обеспечить лояльность всех системных (парламентских или имеющих шансы на прохождение в парламент) партий «европейскому пути». Например, специальные парламентские декларации и резолюции в балканских странах стали лишь инструментом европеизации, не заключая в себе никакого дополнительного стимула, что не отменяет их значимости: они подтверждали приверженность всех политических сил вступлению в ЕС и гарантировали, что необходимые реформы не будут саботированы при смене конфигурации власти.

Само понятие консенсуса подразумевает устранение альтернатив и является характерной приметой времени для западных стран, декларативно победивших в «холодной войне». От стран-кандидатов на вступление в ЕС ожидается как минимум лояльность действующему порядку. В работе «Иллюзия консенсуса» бельгийский философ Ш. Муфф утверждает, что речь идёт о существовании неолиберальной гегемонии [Mouffe 2016]. В этой связи она выступает с критикой современного «постполитического подхода», построенного на отрицании антагонизма в политике и на преодолении различий между левыми и правыми в пользу утверждения идеологии *радикального центризма*. Радикальный центризм восходит к концепции «третьего пути» британского социолога Э. Гидденса. Третий путь в данном случае подразумевает формирование социал-

демократии и государства всеобщего благосостояния в соответствии с условиями либеральной демократии и глобализации, то есть, в сущности, с целью принятия безальтернативности капиталистического строя [Giddens 1994, 1998].

В качестве триумфалистской концепции постбиполярного периода идея «третьего пути» лишь отражала общую тенденцию к унификации и превращению различных левых политических сил в партии *левого центра*. При этом *правый центр* формируется не столько за счёт либерализации крайне правого фланга, сколько путём перехода либеральных центристских партий на более консервативные и даже реакционные позиции, что в постсоциалистических странах во многом соотносится с антикоммунистической риторикой, подкреплённой европейской «антитоталитарной парадигмой»¹. Общий тренд заключается в смещении политического центра вправо.

Проекции отмеченных тенденций в области расширения и углубления евроинтеграции связаны, в первую очередь, с неолиберальной логикой интеграционного процесса. Сейчас одна из ключевых границ размежевания между радикальными левыми и социал-демократами проходит по линии отношения к ЕС – от неприятия до энтузиазма соответственно [Tarditi, Vittori 2019]. Таким образом, утверждение радикального центризма – как с точки зрения замещения всех левых сил социал-демократами, так и с точки зрения смещения либеральных партий вправо – можно считать одним из проявлений европеизации.

В первом разделе статьи рассматривается процесс формирования межпартийного консенсуса вокруг евроинтеграции, где одним из ключевых механизмов стало принятие соответствующих парламентских резолюций и деклараций. Во втором разделе оцениваются устойчивость действующего консенсуса и судьба политических

¹ Под «антитоталитарной парадигмой» подразумевается новая фаза строительства модели транснациональной исторической памяти в рамках ЕС, где в основу положен тезис об уравнивании нацизма/фашизма и коммунизма как двух тоталитарных идеологий. На институциональном уровне курс подкреплён рядом резолюций Европейского парламента и Совета Европы.

сил, выступавших за его пересмотр. В завершающем разделе представлены общие для стран региона тенденции европеизации постъюгославских партий на фоне установления проевропейского консенсуса. Исследование выполнено в методологической традиции нового институционализма, где изменение поведения и идентичностей политических партий оценивается с точки зрения институционального воздействия фактора евроинтеграции. Стоит также заметить, что в статье отдельно не рассматривается случай Косова. Помимо очевидного в данном случае принципа восприятия региона как одного из двух автономных краев Республики Сербия, важно иметь в виду, что государственность Косова признана большинством западных стран, что зачастую дает основание некоторым говорить о его политической субъектности. Тем не менее мы исходим из того, что, *во-первых*, Приштина по-прежнему не имеет представительства в ООН; *во-вторых*, участие Приштины в процессе европейской интеграции не отменяет того факта, что даже пять членов ЕС не признают независимость Косова. Наконец, даже если сосредоточиться на технических аспектах косовской евроинтеграции, невозможно говорить о наличии или отсутствии проевропейского консенсуса, поскольку существуют очевидные проблемы с функционированием базовых институтов, так как Приштина не выполнила свою часть обязательств по Брюссельским соглашениям с Белградом от 2013 года². Как следствие, участие сербов в косовских институтах ставится под вопрос.

Формирование проевропейского консенсуса в странах бывшей Югославии

На момент начала предварительной фазы переговоров о евроинтеграции в странах бывшей Югославии существовали разные точки зрения на вопрос о целесообразности вступления в ЕС, особенно по мере того, как становились очевидными вну-

тренние политические издержки выполнения некоторых условий, затрагивавших, в представлении граждан, национальные интересы. Политические партии отражали в том числе критический взгляд на политику Брюсселя, что создавало риски для процесса интеграционных реформ. Перед тем как были подписаны базовые соглашения о евроинтеграции, во всех странах бывшей СФРЮ принимались специальные межпартийные соглашения, в которых основные политические силы подтверждали свою лояльность европейскому вектору. Как будет показано далее, отказ разделить проевропейский консенсус в условиях высокой зависимости стран-кандидатов от ЕС приводил к маргинализации партий или их уходу с политической сцены.

Словения

Первой из республик бывшей Югославии стала членом ЕС Словения в 2004 г. наряду со странами Центральной и Восточной Европы. Консенсус вокруг евроинтеграции среди словенских политических элит оформился ещё до обретения независимости от Югославии и даже стимулировал сецессию [Виџар, Udovič 2023: 391]. В этой связи словенские политические партии не сталкивались с серьёзными разногласиями на *пути в Европу*. Тем не менее в 1990-х годах достаточно скромное представительство (12 и 4 места по итогам двух электоральных циклов) в парламенте сохраняла евроскептическая Словенская национальная партия (SNS), которая ставит себя одновременно на левый и правый фланги идеологического спектра.

Новые разногласия возникли уже в процессе вступления, когда Италия и Австрия заблокировали переговоры о евроинтеграции Словении до тех пор, пока не будут выполнены их требования: речь шла, в частности, о предоставлении иностранцам возможности приобретать недвижимость, о компенсациях за послевоенные репрессии в отношении итальянского и немецкого населения, также связанные с имущест-

² First agreement of principles governing the normalization of relations. URL: <https://www.peaceagreements.org/view/2022> (accessed: 30.11.2023).

венными вопросами; отдельный спор касался деятельности АЭС Кршко [Vojinović Fenko, Svetličić 2017: 7]. В результате некоторых уступок словенской стороны в 1996 г. подписано Европейское соглашение³, а также межпартийное «Соглашение о сотрудничестве»⁴ по вопросу вступления в ЕС, с которым согласились все парламентские партии, за исключением SNS [Zajc 2002: 673].

Партии брали на себя обязательство координировать политику до вступления в ЕС, но на практике соглашение не работало [Kustec Lipicer, Cabada 2005: 181], так что имело просто символическое значение и воспроизводилось в процессе евроинтеграции других югославских республик. Впоследствии даже SNS, не подписавшая соглашение о сотрудничестве партий, смягчила риторику в сторону так называемого еврореализма, то есть заняла более компромиссную позицию по отношению к ЕС [Fink-Hafner, Krašovec 2006 :15]. На референдуме в 2003 г. за вступление Словении в ЕС проголосовали 60,4% участвовавших избирателей при явке 60,4%. Таким образом, даже в самой западной югославской республике нельзя говорить об однозначной всенародной поддержке курса на вступление в ЕС, несмотря на предварительное достижение широкого партийного консенсуса. Сыграло свою роль и то, что Словения столкнулась с чувствительными политическими требованиями своих исторических противников (Италии и Австрии), которые оказались непосредственно встроены в переговорный процесс с Брюсселем.

Хорватия

Начало полноценной евроинтеграции Хорватии связано со смертью президента Ф. Туджмана (2000), символа военного времени и современного хорватского национализма. К власти пришла оппозиционная коалиция левого центра во главе с Социал-демократической партией (SDP). В 2001 г. было подписано Соглашение о стабилизации и ассоциации (ССА) с ЕС⁵. Тогда не исключалась возможность, что Хорватия даже сможет вступить в ЕС одновременно с Болгарией и Румынией в 2007 году⁶. Сабор в 2002 г. принял «Резолюцию о вступлении Республики Хорватия в Евросоюз», в которой все парламентские партии выразили согласие с идеей евроинтеграции⁷. Возвращение к власти право-консервативной партии Хорватское демократическое содружество (HDZ) в 2003 г. ознаменовалось её внутренней либерализацией и отказом от радикальной националистической риторики. Уровень поддержки евроинтеграции достигал 79% в 2002 году⁸, несмотря на культ хорватской государственности, укрепленный во времена Ф. Туджмана, который исполнение этой *тысячелетней мечты* ставил выше всех интеграционных проектов.

Тем не менее в 2005 г. переговоры были приостановлены Брюсселем из-за неспособности Хорватии обеспечить полное сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ), как это предусматривалось требованиями Соглашения о стабилизации и ассоциации и последующих европейских отчетов⁹. В част-

³ Europe Agreement between the EC and the Republic of Slovenia. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/agree_internation/1999/144/oj (accessed: 30.11.2023).

⁴ Текст соглашения словенских политических партий не представлен в открытом доступе, поэтому о нём известно из косвенных источников.

⁵ EU-Croatia Stabilization and Association Agreement. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22005A0128%2801%29> (accessed: 30.11.2023).

⁶ Croatia: Prime Minister Calls For EU Entry in 2007. 13.01.2004. Radio Slobodna Evropa. URL: <https://www.rferl.org/a/1051163.html> (accessed: 30.11.2023).

⁷ Rezolucija o pristupanju Republike Hrvatske Evropskoj Uniji. 20.12.2002. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/full/2002_12_153_2493.html (accessed: 01.08.2023).

⁸ Splasnjava hrvatski entuzijazam za EU. 21.02.2005. URL: <https://iwpr.net/sr/global-voices/splasnjava-hrvatski-entuzijazam-za-eu> (accessed: 30.11.2023).

⁹ Croatia Progress Report. Brussels, 9 November 2005. European Commission. URL: http://aei.pitt.edu/44762/1/Croatia_sec_1424_2005.pdf (accessed: 01.08.2023).

ности, от Загреба требовалась экстрадиция в Гаагу подозреваемого в военных преступлениях национального героя генерала А. Готовины, что и было сделано в конце 2005 года¹⁰. Поддержка интеграции в ЕС в период с 2004 по 2005 г. опустилась до 41–48% [Skoko 2007: 356]. Хорватия демонстрировала одни из самых высоких показателей евроскептицизма, но рост антизападных настроений связывался не только с деятельностью МТБЮ, но и с давлением по вопросу прав национальных и сексуальных меньшинств, с положением хорватов в Боснии и Герцеговине, с ходом либеральных реформ [Boduszynski 2014]. Даже на фоне заметного роста антизападных настроений выступавшие против ЕС политические силы не были представлены в хорватском парламенте и не играли значимую роль в системной хорватской политике. Примечательно, что Сербия на тот момент демонстрировала более высокий уровень поддержки европейской интеграции, несмотря на интенсивное давление со стороны Брюсселя и открытый косовский вопрос, но при этом антизападная Сербская радикальная партия (SRS) лидировала на выборах.

По итогам референдума 2012 г. вступление Хорватии в ЕС поддержали 66,27% голосовавших, против выступили 33,13%, но при этом явка составила 41,51%¹¹. Такие показатели могут даже стать основанием для непризнания результатов референдума, но была выбрана процедура, которая не подразумевала порог участия. Низкий уровень политического участия в референдуме и значительные расхождения между уровнем поддержки ЕС и представительством политических партий в парламенте указы-

вают на высокую степень демократического дефицита в завершающей фазе евроинтеграции Хорватии. Следовательно, достижение партийного консенсуса по вопросу евроинтеграции не отражало реальные настроения в обществе, проявившиеся в ходе референдума.

Сербия

Массовые протесты по итогам выборов 2000 г. завершились отставкой последнего президента Югославии С. Милошевича и приходом к власти проевропейски настроенной оппозиции. Несмотря на предшествующий опыт натовских бомбардировок и установление международного протектората над Косовом, в первые несколько лет новой власти уровень поддержки евроинтеграции в Сербии превышал 70%¹². С одной стороны, сыграли роль отмена международных санкций и выделение финансовой помощи. С другой – перспектива окончательной сецессии Косова и Черногории не казалась очевидной ни гражданам, ни политическим элитам, а давление по вопросу сотрудничества МТБЮ усилилось только в 2006 г. в связи с делом об экстрадиции лидеров боснийских сербов Р. Младича и Р. Караджича, когда временно были приостановлены переговоры о подписании Соглашения о стабилизации и ассоциации¹³. Даже с учётом отмеченных обстоятельств и после сецессии Косова в 2008 г. уровень поддержки идеи вступления в ЕС превышал 50%¹⁴.

Тем не менее на парламентских выборах в 2003 и в 2007 годах больше всего голосов и мандатов получила националистическая Сербская радикальная партия (SRS)

¹⁰ Генерал А. Готовина в 2011 г. был осуждён трибуналом на 24 года лишения свободы, но в следующем году оправдан и выпущен на свободу, что совпало по времени с проведением референдума о вступлении Хорватии в ЕС.

¹¹ 66,27 posto birača ZA, 33,13 posto PROTIV ulaska u Evropsku Uniju. Dnevnik. URL: <https://dnevnik.hr/vijesti/hrvatska/rezultati-referenduma.html> (accessed: 30.11.2023).

¹² Republika Srbija. Ministarstvo za evropske integracije. Istraživanje javnog mnjenja. URL: <https://www.mei.gov.rs/srp/informacije/javno-mnjenje/istrazivanje-javnog-mnjenja/> (accessed: 30.11.2023).

¹³ Istorijat odnosa Srbije i EU. URL: <https://www.mei.gov.rs/sr/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/> (accessed: 30.11.2022).

¹⁴ Republika Srbija. Ministarstvo za evropske integracije. Istraživanje javnog mnjenja. URL: <https://www.mei.gov.rs/srp/informacije/javno-mnjenje/istrazivanje-javnog-mnjenja/> (accessed: 30.11.2023).

В. Шешеля¹⁵, занимавшая традиционно критическую позицию по отношению к западным странам и их роли в войнах на пространстве бывшей Югославии, хотя и она вынуждена была немного смягчить антизападную риторику после 2000 года [Тодоговић 2022: 80]. После выхода из SRS прозападного крыла во главе с Т. Николичем и А. Вучичем в 2008 г. радикалы постепенно возвращались к более жёсткой критике Запада и вместе с тем полностью маргинализировались¹⁶. В любом случае в начале 2000-х годов голосов радикалов было недостаточно для формирования правительства, но Сербия оставалась единственной из постъюгославских республик, где антизападная политическая сила имела серьёзное представительство в парламенте вплоть до раскола 2008 года, когда была образована ныне правящая Сербская прогрессивная партия – SNS): это событие совпало с подписанием ССА с ЕС¹⁷ и с односторонним провозглашением независимости Косова¹⁸. Впрочем, даже радикалы не выступали откровенно против евроинтеграции: на обсуждении парламентской резо-

люции о вступлении в ЕС (принята в 2004 году)¹⁹ представитель партии заявила, что SRS не может поддержать такую резолюцию, но и партия не будет голосовать против, чтобы не сложилось впечатление, что они против вступления в интеграционную группировку²⁰. Одновременно серьёзную трансформацию пережила Социалистическая партия Сербии (SPS), некогда партия С. Милошевича, поддержав при новом руководстве во главе с И. Дачичем курс на вступление в Евросоюз даже после провозглашения независимости Косова²¹.

В результате были сняты основные препятствия для формирования консенсуса вокруг евроинтеграции, но процесс завершился только в 2013 году. Этому предшествовало принятие Скупщиной под давлением ЕС в 2010 г. «Декларации о Сребренице», в которой Сербия признала совершение военного преступления, но не геноцида²². В 2013 г. Скупщина приняла новую резолюцию о вступлении в ЕС как стратегической цели²³. Её подписали все парламентские партии, кроме Демократической партии Сербии (DSS)²⁴.

¹⁵ Лидер радикалов В. Шелель с 2003 по 2014 г. находился в тюрьме Гаагского трибунала, что положительно сказывалось на уровне поддержки его партии.

¹⁶ SRS predstavio Šešeljev proglas. 03.03.2011 RTS. URL: <https://www.rts.rs/lat/vesti/Politika/852558/SRS+predstavio+Šešeljev+proglas.html> (accessed: 30.11.2023).

¹⁷ Stabilization and Association Agreement with Serbia. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/stabilisation-and-association-agreement-with-serbia.html> (accessed: 30.11.2023).

¹⁸ Kosovo Declaration of independence. 17.02.2008. URL: <https://www.refworld.org/docid/47d685632.html> (accessed: 30.11.2023).

¹⁹ Rezolucija o pridruživanju Evropskoj Uniji. 14.10.2004. URL: <http://www.parlament.gov.rs/%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%81%D0%BA%D0%B5-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%98%D0%B5> (accessed: 01.08.2023).

²⁰ Gordana Pop-Lazić. Otvoreni Parlament. 06.10.2004. URL: <https://otvoreniparlament.rs/transkript/6137?page=3#govor-894029> (accessed: 01.08.2023).

²¹ Kako je SPS postao prihvatljiv? Radio Slobodna Evropa. 20.05.2008. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/1116683.html> (accessed: 30.11.2023).

²² Deklaracija Narodne skupštine Srbije o osudi zločina u Srebrenici. 20.03.2010. URL: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SIGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/deklaracija/2010/20/1/reg> (accessed: 30.10.2023).

²³ Rezolucija o ulozi Narodne skupštine i načelima u pregovorima o pristupanju Republike Srbije Evropskoj Uniji. 16.12.2013. URL: <http://www.parlament.gov.rs/aktivnosti/evropske-integracije/dokumenta.2188.html> (accessed: 01.08.2023).

²⁴ Ослабленная после раскола партия радикалов по итогам выборов в 2012 г. не прошла в парламент, а изначально проевропейская ДСС экс-президента В. Коштуницы стала менее оптимистично смотреть на евроинтеграцию после сецессии Косова, поставив условие, что вступление в ЕС ценой отказа от Косова невозможно.

Наконец, при посредничестве ЕС в 2013 г. было подписано Брюссельское соглашение между Белградом и Приштиной, по которому Сербия согласилась ликвидировать «параллельные органы власти» и интегрировать ещё подконтрольные Белграду институты в административную систему непризнанного государства.

Как следствие, в 2014 г. начались официальные переговоры о вступлении Сербии в европейское интеграционное объединение. Показательно, что в 2012–2014 годах уровень народной поддержки вступления в ЕС достиг на тот момент исторического минимума и оценивался в диапазоне 41–44%²⁵. Таким образом, достижение внутривластного консенсуса по вопросу евроинтеграции в Сербии требовало значительных компромиссов и уступок со стороны ведущих политических сил, особенно на фоне косовского кризиса. Как видно, переход партий на проевропейские позиции происходил на фоне снижения народной поддержки курса на вступление в ЕС, так что, очевидно, был мотивирован не электоральной логикой, а внешними факторами.

Черногория

Черногория вплоть до референдума о независимости (2006) оставалась частью союзного государства с Сербией, хотя несколько раньше Подгорица начала выстраивать собственные отношения с ЕС. Поворотной точкой стал раскол в 1997 г. правящей Демократической партии социалистов (DPS), считавшейся наследницей Союза коммунистов Черногории и сохранявшей лояльность Белграду. Причиной конфликта номинально был вопрос поддержки руководства Югославии во главе со С. Милошевичем [Šćekić 2012]. В сущности, выбор уже стоял между Брюсселем и Белградом, противопоставившим себя западному миру в тот момент.

После раскола партия DPS во главе с М. Джукановичем стала представлять прозападное крыло и в такой конфигурации одержала победу на президентских и парламентских (в составе коалиции) выборах. В качестве награды Черногория была выведена из-под западных антиюгославских санкций и стала получать европейскую финансовую помощь [Džurić 2004: 82]. Тогда же началось постепенное создание параллельных — по отношению к Белграду — институтов, что в более радикальном виде применялось в случае Косова. Гражданский раскол на суверенистов (выступавших за независимость Черногории) и на унионистов (выступавших за союз с Сербией) сложился не сразу и стал, скорее, следствием противостояния по линии Европа—Югославия. Унионисты были представлены главным образом отколовшейся от ДПС Социалистической народной партией (SNP) во главе с М. Булатовичем.

Главным препятствием для формирования проевропейского консенсуса являлась просербская (проюгославская) и в той ситуации антизападная ориентация унионистов в силу их лояльности Белграду. После прихода к власти в Сербии прозападной оппозиции в 2000 г. ЕС решил немного отсрочить проведение референдума о независимости Черногории. Одновременно в руководстве SNP дошло до расколов по вопросу сотрудничества с новой сербской властью, реформы партии и ориентации на западные страны, в результате чего победили проевропейские силы²⁶. Отмеченные обстоятельства, в том числе лоббирование главой европейской дипломатии Х. Соланой создания Союза Сербии и Черногории [Džankić 2014: 118], привели к ослаблению антизападной риторики среди унионистов. Затем в 2005 г. черногорская Скупщина приняла «Декларацию о присоединении

²⁵ Evropska orijentacija gradjana Srbije. URL: https://www.mei.gov.rs/upload/documents/nacionalna_dokumenta/istrazivanja_javnog_mnjenja/javno_mnjenje_dec_22.pdf (accessed: 01.11.2023).

²⁶ Bulatović pravi gradjansku stranku. 31.05.2005. Pcnen. URL: <https://www.pcnen.com/portala/2005/05/31/bulatovic-pravi-gradjansku-stranku/> (accessed: 30.11.2023).

к ЕС»²⁷: все парламентские партии заявили о приверженности курсу на евроинтеграцию, независимо от их позиции относительно государственного статуса Черногории. Принципиальное значение имело то, что декларация принималась до референдума о независимости, где Брюссель сыграл ключевую роль в определении процедуры голосования, отвечавшей интересам суверенистов [Džankić 2014: 123]. Сразу после референдума Черногория подписала в 2007 г. Соглашение о стабилизации и ассоциации²⁸ и полноценно вступила на путь евроинтеграции. С тех пор в Черногории не осталось политической даже условно заметной силы, которая бы выступала против вступления в ЕС. Уровень поддержки евроинтеграции также остаётся высоким: по состоянию на 2022 год в случае референдума 83,5% голосовали бы за вступление в ЕС²⁹. Впрочем, из этого не следует, что в Черногории отсутствуют политические разногласия по вопросу отношения к Евросоюзу, но вступление в НАТО без референдума и опыт транзитов власти после 2020 г. показал, что некоторые решения пересмотру не подлежат в силу внешних ограничений, поэтому критика Брюсселя не предполагает отказа от курса на вступление в ЕС.

Северная Македония

Македония³⁰ первой из всех постъюгославских республик, за исключением Словении, подписала Соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС в 2001 году³¹ и получила статус кандидата на вступление в Европейский Союз в 2005 году. Ранее, в 2000 году, Собрание приняло «Декларацию о повышении уровня отношений между Республикой Македония и Европейским Союзом», где вступление в ЕС провозглашалось стратегической целью всех политических сил³².

Вплоть до 2022 г. Македония ожидала официального начала переговоров, поскольку они сначала блокировались Грецией из-за спора об имени (разрешён в 2018–2019 годах)³³, а затем Болгарией из-за ряда исторических претензий³⁴. Спор с Болгарией, которая отрицает существование македонской этничности и самостоятельный статус македонского языка, по состоянию на конец 2023 г. не разрешён. Кроме того, в Северной Македонии остро стоит проблема албанского сепаратизма: при посредничестве Брюсселя в 2001 г. заключено Охридское соглашение³⁵, закрепившее децентрализацию страны.

²⁷ Deklaracija o pridruživanju Evropskoj Uniji. URL: <https://wapi.gov.me/download/6ac9c84e-5c80-4725-8dd2-93d9c5496c05?version=1.0> (accessed: 30.11.2023).

²⁸ Stabilization and Association Agreement. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/stabilisation-and-association-agreement-with-montenegro.html> (accessed: 30.11.2023).

²⁹ Istraživanje javnog mnjenja pokazuje da građani Crne Gore daju snažnu podršku pristupu EU. WeBalkans. 21.06.2022. URL: <https://webalkans.eu/bs/news/public-opinion-poll-shows-a-strong-support-for-the-eu-in-montenegro/> (accessed: 30.11.2023).

³⁰ При описании событий, предшествовавших смене имени в 2019 году, используется прежнее конституционное название страны.

³¹ Stabilization and Association Agreement with North Macedonia. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/stabilisation-and-association-agreement-with-north-macedonia.html> (accessed: 30.11.2023).

³² Декларација за подигување на нивото на односите на Република Македонија со Европската Унија. URL: https://www.sobranie.mk/content/Dokumenti%20RM-EU/EU/Deklaracija%2023_11_2000.pdf (accessed: 01.08.2023).

³³ The Prespa Agreement. URL: <https://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-agliko-keimeno.pdf> (accessed: 30.11.2023).

³⁴ Болгария отрицает существование македонской этничности, самостоятельный статус македонского языка и настаивает, что история Македонии начинается после 1945 г. в контексте усилий югославского руководства по созданию македонской нации. Требования Болгарии также касаются включения болгар в конституцию Северной Македонии в качестве национального меньшинства.

³⁵ Framework Agreement (Ohrid Agreement). URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MK_010813_Framework%20Agreement%20%280rhid%20Agreement%29.pdf (accessed: 30.11.2023).

Две ведущие македонские политические партии – Социал-демократический союз (СДСМ) и Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство (ВМРО-ДПМНЕ) – выступают за евроинтеграцию страны, как и партии албанского меньшинства. Например, в 2014–2016 годах уровень поддержки евроинтеграции в Македонии составлял 77–80%³⁶, но на общий показатель влияет мнение значительного албанского меньшинства, настроенного абсолютно проевропейски.

После изменения конституционного имени страны на Республику Северная Македония уровень поддержки ЕС несколько снизился до 64–65%³⁷. При этом давление со стороны Греции и Болгарии, что в македонском обществе воспринимается как прямая угроза национальной идентичности, осуществлялось с использованием именно рычага евроинтеграции. Лояльность ЕС остаётся достаточно высокой, но она преимущественно негативно мотивированная: своей политикой поддерживая требования как Греции и Болгарии, так и албанского меньшинства, Брюссель выступает против интересов Скопья, но при этом он де-факто предоставляет гарантии безопасности и территориальной целостности Македонии в текущем виде, то есть что страна в конечном счете не будет разделена между соседями. Уступки Северной Македонии имеют экзистенциальный характер.

Босния и Герцеговина

Политически БиГ не представляет собой монолитную конструкцию и остаётся в значительной степени международным протекторатом с институтом Верховного представителя, утверждаемого СБ ООН³⁸. Страна разделена по линиям этнополитического размежевания между тремя конститутивными народами – сербами, бошняками (мусульманами) и хорватами, а административно на два энтитета – Республику Сербскую и Федерацию Боснии и Герцеговины.

В основном из-за противодействия сербского энтитета БиГ не может вступить в НАТО и, в частности, не присоединилась к антироссийским санкциям³⁹. Тем не менее евроинтеграция стала предметом консенсуса между тремя народами, которые в остальном сложно вырабатывают консолидированную позицию по какому-либо вопросу. Впрочем, существуют различия в уровне поддержки: по состоянию на 2019 г. вступление в ЕС поддерживали 88% бошняков, 75% хорватов и 54% сербов⁴⁰.

Боснийским вариантом межпартийной парламентской резолюции можно считать заявление на тот момент европейского комиссара по вопросам расширения О. Рена от декабря 2007 г. о том, что достигнут достаточный уровень согласия по этому вопросу между основными политическими лидерами БиГ⁴¹. Ситуация в БиГ считается наиболее сложной в силу проблем с суверенитетом, поэтому ЕС настаивает на проведении конституционной реформы, под

³⁶ Анализа на јавното мислење за македонскиот процес на пристапување кон Европската Унија (2014–2020). URL: <https://goo.su/qryqNS> (accessed: 01.08.2023).

³⁷ Благ пад на поддршката за членство во ЕУ, две третине од граѓаните не се согласуваат со уставните измени. IDSCS. 02.03.2023. URL: <https://idscs.org.mk/mk/2023/03/02/благ-пад-на-поддршката-за-членство-во-е/> (accessed: 30.11.2023).

³⁸ Действующий Верховный представитель К. Шмидт не получил единогласное одобрение СБ ООН, но де-факто выполняет свои функции и даже обращается к специальным «боннским полномочиям».

³⁹ Dodik: BiH will not join EU's sanctions against Russia. N1 BiH. URL: <https://n1info.ba/english/news/dodik-bih-will-not-join-eus-sanctions-against-russia/> (accessed: 30.11.2023).

⁴⁰ Public Opinion Poll. Bosnia and Herzegovina. April 2019. URL: <https://www.ndi.org/sites/default/files/BiH%202019%20Poll.pdf> (accessed: 01.08.2023).

⁴¹ Ključni dogadjaji u odnosima EU i Bosne i Hercegovine. Parlamentarna Skupština Bosne i Hercegovine. URL: <https://www.parlament.ba/Content/Read/126?title=Klju%20C4%8Dniodoga%20C4%91aji-u-odnosima-EU-i-Bosne-i-Hercegovine> (accessed: 01.08.2023).

которой фактически понимается демонтаж Дейтонского соглашения и централизация страны⁴². В текущих условиях в отказе от Дейтонского соглашения заинтересованы в основном представители бошняков (мусульман) и отчасти западные страны. В 2022 г. БиГ получила статус страны-кандидата на вступление в ЕС, хотя необходимые для этого условия выполнены не были, но решение принято на фоне предоставления аналогичного статуса Молдавии и Украине. В силу неполноценной боснийской государственности партийный консенсус по вопросу евроинтеграции в БиГ не имеет большого значения, поскольку до реального процесса реформ и рисков их блокирования оппозицией не доходит. В этом смысле политическим силам, особенно боснийским сербам, остаётся больше пространства для манёвра с точки зрения использования антизападной риторики вплоть до того, что, например, руководство Республики Сербской (РС) предлагает вместо ЕС вступить в БРИКС⁴³. Вместе с тем президент РС М. Додик в других своих выступлениях отмечает, что не выступает против вступления в ЕС, если этот путь не связан с НАТО⁴⁴. Противоречивые заявления вполне закономерны в условиях боснийского институционального хаоса.

Устойчивость и вызовы проевропейского консенсуса

На начало 2020-х годов из республик бывшей Югославии завершили процесс евроинтеграции только Словения и Хорватия, а остальные надолго остались за пределами ЕС. В настоящее время на уровне партийной политики различные идеи выхода из ЕС или хотя бы дистанцирования от Брюсселя практически не имеют поли-

тической ниши. В Любляне и Загребе поочередно побеждают на парламентских выборах и формируют правительства коалиции правого и левого центра, представители которых не ставят под сомнение европейский консенсус и вовлечены в процесс постинтеграционных реформ: отмечается тенденция к сближению их идеологических и программных позиций, связанная с естественными институциональными ограничениями для новых членов ЕС.

В *европейской* Словении с 2004 по 2022 г. сменяли друг друга правоконсервативное правительство во главе с лидером Словенской демократической партии (SDS), «словенским Трампом» Я. Яншей и леволиберальные силы. Причём SDS Я. Янши возникла как социал-демократическая (хоть и антикоммунистическая) партия и со временем не только идеологически «поправела», но и после 2004 г. посредством правительственных коалиций способствовала тому, что и центристские либеральные силы сместились вправо, в консервативный лагерь. Апрельские выборы 2022 г. завершились победой созданного в том же году на базе неуспешного «зелёного» проекта движения *Sloboda*, которое возглавил предприниматель Р. Голоб. Сформированная правительственная коалиция объединила как крайне левых и социал-демократов, так и оставшиеся центристские либеральные партии, став примером ещё более очевидного утверждения идеологии радикального центра.

Что касается нарушающих консенсус маргинальных сил, то считающаяся евроскептической партия SNS по итогам парламентских выборов в 2004 и в 2008 годах получала по пять мандатов, а затем потеряла представительство до 2018 года, как и не

⁴² Leaving Dayton for Brussels: Reviving Bosnia's constitutional reform. European Policy Center. URL: <https://www.epc.eu/en/publications/Leaving-Dayton-for-Brussels-Reviving-Bosnias-constitutional-reform~51eca8> (accessed: 30.11.2023).

⁴³ Bosnian Serb leader says Bosnia should join BRICS, not EU. Politico. 29.08.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/bosnia-herzegovina-serbia-milorad-dodik-brics-european-union/> (accessed: 30.11.2023).

⁴⁴ Serb leader objects linking Bosnia's EU integration to the road to NATO. N1 BiH. 15.01.2019. URL: <https://n1info.ba/english/news/a309673-serb-leader-objects-linking-bosniaand39s-eu-integration-to-the-road-to-nato/> (accessed: 30.11.2023).

смогла преодолеть барьер на последних выборах в 2022 г. Партия выступает за выход Словении из ЕС и НАТО и за восстановление связей с Россией⁴⁵, но в известной степени дискредитирована антиэмигрантской риторикой и постепенным смещением на правый фланг, хотя изначально более активно была вовлечена в антифашистскую повестку и борьбу с ревизионизмом. После очередного провала на выборах в 2023 г. прекратила существование суверенистская ультраправая *Domovinska liga*. Критиковавшая ЕС с антикапиталистических позиций партия *Levica*, войдя сначала в парламент и затем в правительство Р. Голоба, смягчила риторику в отношении Брюсселя и ставит вопрос только о выходе из НАТО⁴⁶.

Партийная система Хорватии имеет более выраженный двухпартийный характер. Наследница Союза коммунистов Хорватии, Социал-демократическая партия в 1990-х годах находилась на периферии политической жизни, уступая различным националистическим силам, сформированным вокруг ультраправого Хорватского демократического содружества (HDZ). Можно сказать, что смещение SDP с левого фланга в центр началось раньше и происходило на фоне гражданской войны (партия, в частности, отказалась от принципов интернационализма), тогда как переход HDZ на более умеренные позиции был связан главным образом с контекстом евроинтеграции, где не приветствовался радикальный этнический национализм времен Ф. Туджмана.

Особенностью Хорватии стала активная роль многочисленных евроскептических сил в политике страны даже после вступления в ЕС. Например, евроскептическая националистическая партия *Most* в 2015–2017 годах входила в состав правитель-

ственной коалиции во главе с HDZ. Причём коалиционный партнёр был заменён на либеральную партию без проведения новых выборов, что многими избирателями воспринималось как предательство [Butković 2021: 22]. Тем не менее довольно быстро евроскептические партии либо вытеснялись и маргинализировались (как стало, например, с Хорватской партией права и отколовшимися от неё движениями), либо меняли риторику на более комплементарную по отношению к Брюсселю. Они не могли эффективно действовать самостоятельно, а вступление в коалицию с одной из двух ведущих партий подразумевало принятие сложившегося консенсуса. Среди значимых факторов иногда отмечают и то, что на партии оказывают влияние по линии транснациональных европейских партийных объединений, в основном со стороны Европейской народной партии [Stojić 2015].

Устойчивость проевропейского консенсуса в Словении и Хорватии не ставится под вопрос системными партиями, но он имеет слабую народную поддержку. По данным Евробарометра за зиму 2022/23 года, с высказыванием, что их страна имела бы лучшее будущее за пределами ЕС, согласились 42% опрошенных жителей Словении и 41% граждан Хорватии – это самые высокие показатели среди государств-членов интеграционного объединения⁴⁷. В формировании такого отношения свою роль сыграли и экономические реформы, и миграционный кризис, и изменение геополитической обстановки. Кроме того, для Словении и Хорватии остро стоит проблема внутренних иерархий в рамках ЕС.

Потенциальной альтернативой консенсусу вокруг евроинтеграции для этих стран в текущих условиях может стать сближение

⁴⁵ Program Slovenske nacionalne stranke pred državnoborskimi volitvami 2022. URL: <https://sns.si/program/> (accessed: 01.08.2023).

⁴⁶ Prihodnost za vse, ne le za peščico (program za državnoborske volitve 2022). URL: <https://www.levica.si/prihodnost-za-vse-ne-le-za-pecsico-program-za-drzavnoborske-volitve-2022/> (accessed: 01.08.2023).

⁴⁷ Standard Eurobarometer 98 – Winter 2022–2023. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2872> (accessed: 01.08.2023).

с другими балканскими государствами: хотя свою новую идентичность Словения и Хорватия построили на разрыве с Балканами, именно ЕС способствовал возобновлению контактов между бывшими югославскими республиками, где страны-члены должны выступать своего рода менторами для кандидатов (к примеру, в 2013 г. запущен процесс Брдо-Бриони). Восстановление связей в перспективе может перерасти в альтернативные проекты региональной интеграции в традициях балканского федерализма.

Оставшиеся за пределами интеграционного объединения страны бывшей Югославии (плюс Албания) в бюрократическом дискурсе ЕС объединяются в категорию «Западных Балкан». Для Сербии, Черногории, Северной Македонии и Боснии и Герцеговины приоритетное значение имела тенденция к эскалации противоречий между Россией и западными странами, обозначившаяся после 2014 года. После окончательного исключения Брюсселем России из европейского символического пространства балканские государства, вынужденные и без того доказывать свою принадлежность Европе, оказались перед радикальным геополитическим выбором.

Государства—члены ЕС и США не стремятся помочь им преодолеть возникшую дилемму, а, наоборот, усиливают давление на бывшие югославские республики с тем, чтобы они прекратили контакты с Москвой и присоединились к антироссийским санкциям. Несмотря на то что влияние России в регионе достаточно слабое, она остаётся противовесом западной модели организации Балкан с независимым Косовом и другими особенностями. В результате в «узкой Югославии»⁴⁸ в последние годы отмечается высокий уровень внутривнутриполитической поляризации по линии Запад—Незапад, где незападный блок включает не только Рос-

сию, но и всё больше Китай, а также страны незападного мира в целом. Здесь уместно провести параллели с югославским наследием Движения неприсоединения.

Всё же было бы наивно полагать, что отмеченная поляризация находит выражение в политике государств. По мере утверждения вектора на евроинтеграцию после 2000 г. во всех четырёх странах, остающихся за пределами ЕС, в парламентах потеряли представительство партии, выступающие против вступления в интеграционное объединение. Как уже отмечалось, даже антизападная Сербская радикальная партия заняла более компромиссную позицию. Во времена президента Б. Тадича (2004—2012) в Сербии широкую популярность приобрело его выражение — «Европа не имеет альтернативы»⁴⁹. Впрочем, процесс евроинтеграции Западных Балкан затянулся, так что чем менее реалистичной представляется возможность вступления в ЕС, тем менее эффективными становятся стимулы и рычаги давления, применяемые Брюсселем в ходе переговоров.

Ситуация незначительно изменилась в Сербии после парламентских выборов 2022 года, когда в Скупшине получили представительство несколько небольших националистических партий, определяющих себя как суверенистские и выступающих за военную и политическую нейтральность (коалиция «Нада», «Заветници», «Двери»), хотя они и не ставят под вопрос принадлежность Сербии Европе как культурному пространству. Приверженность концепции Европы наций сближает сербские правоконсервативные антизападные силы с европейскими правыми популистами.

По-прежнему уровень представительства евроскептических сил слабо коррелирует с уровнем народной поддержки вступления в ЕС, который на фоне воен-

⁴⁸ Выражение отсылает к устоявшейся формулировке «узкая Сербия» («ужа Србија», или УЖАС), которой принято обозначать территорию центральной Сербии без учёта автономных краёв — Воеводины и Косово и Метохии. В данном случае речь идёт о югославских республиках, которые не являются членами ЕС.

⁴⁹ Tadić: Evropa nema alternativu. Danas. 15.04.2008. URL: <https://www.danas.rs/vesti/politika/tadic-evropa-nema-alternativu/> (accessed: 01.08.2023).

ных действий на Украине и эскалации кризиса в Косове достиг исторического минимума. Например, по состоянию на весну 2022 г. на потенциальном референдуме за вступление в ЕС 44% граждан Сербии голосовали бы против и только 35% голосовали бы положительно⁵⁰. Партийная система после 2012 г. сформирована вокруг правящей Сербской прогрессивной партии президента А. Вучича⁵¹, которая действует по принципу зонтичной партии (catch-all) и стоит на центристских позициях, и нескольких её коалиционных партнёров. Политические силы, критикующие проевропейский консенсус с левых позиций, полностью маргинализируются, что подкрепляется достаточно критической символической политикой правящей партии в отношении югославского прошлого.

В Черногории и Северной Македонии отмечается высокий уровень внутренней поляризации. После разрыва части черногорской элиты во главе с Демократической партией социалистов с Белградом и её переходом на прозападные позиции в Черногории обозначился этнополитический раскол на черногорцев и сербов, где первые преимущественно являются сторонниками прозападных сил, а вторые — просербских (на фоне эскалации отношений России с Западом — также пророссийских)⁵².

Тем не менее обязательства Черногории в рамках переговорного досье о евроинтеграции не оставляют сербским партиям свободы действия. Громкая победа на выборах в 2020 г. сербской коалиции

«Демократический фронт» не привела к пересмотру решений о признании независимости Косова, вступлении в НАТО или об антироссийских санкциях и завершилась лишь серией правительственных кризисов. Аналогично победа на выборах нового президента Я. Милатовича в 2023 г. положила конец многолетнему правлению М. Джукановича, но не оправдала надежд значительной части электората — придя к власти, Я. Милатович заявил, что три ключевых сюжета — НАТО, Косово и санкции — пересмотру не подлежат⁵³.

Как уже отмечалось, две ведущие македонские партии (СДСМ и ВМРО-ДПМНЕ), как и партии албанского меньшинства, поддерживают вступление Северной Македонии в ЕС. После 2015 г. на македонской сцене появилась более радикальная антиимпериалистическая партия «Левица». Представители «Левицы» участвовали в организации бойкота референдума о смене конституционного имени и после 2020 г. вошли в парламент. Партия выступает против членства в НАТО, но занимает более компромиссную позицию по отношению к ЕС, отмечая, что поддерживает евроинтеграцию, «но не любой ценой», а именно ожидает прекращения жёсткой приватизационной политики⁵⁴. В данный момент главным препятствием для продолжения евроинтеграции является необходимость изменения конституции с включением в неё упоминания болгарского меньшинства, как требует Болгария. По последним опросам, 65% граждан Северной Македонии выступают против изменения конституции ради продолжения

⁵⁰ Dramatičan pad podrške građana Srbije članstvu u EU. URL: https://www.rts.rs/lat/vesti/drustvo/4792732/podrska-eu-gradjani-srbija-pad.html?fbclid=IwAR1rNUviyeN24cJGSIMvnn9u62VPDNUH3RD80As22CJfJA_KtVTYVu6CkXO (accessed: 01.11.2023).

⁵¹ В мае 2023 г. А. Вучич объявил о том, что покидает пост руководителя Сербской прогрессивной партии, одновременно анонсировано возможное создание некоего «народного фронта» вокруг президента.

⁵² См. подробнее: *Малешевич А.В.* Европеизация Черногории как фактор эволюции черногорской национальной идентичности // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. № 4. С. 98–110.

⁵³ Milatović: Priznanje Kosova, članstvo u NATO i sankcije Rusiji su završena stvar. Radio Slobodna Evropa. 06.08.2023. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/milatovic-crna-gora-kosovo-nato-rusija-srbija/32536383.html> (accessed: 01.08.2023).

⁵⁴ Левица. Партииска програма. URL: <https://levica.mk/za-nas/partiska-programa/> (accessed: 01.08.2023).

переговоров с ЕС, а если смотреть с этнической точки зрения, то 80% македонцев⁵⁵.

Вызов евроинтеграции и связанных с этим процессом внутривнутриполитических издержек не очень остро стоит в Боснии и Герцеговине, поскольку БиГ, по выражению Брюсселя и по объективным параметрам, не представляет собой функциональное государство⁵⁶. Формально политические партии всех трёх конститутивных народов выражают приверженность идее вступления в ЕС, но в среднесрочной перспективе их интересуют другие вопросы. В частности, наметились контуры для сербско-хорватского ситуативного альянса против потенциальной бошнякской централизации. Иными словами, проевропейский консенсус в БиГ вполне устойчив, но является, скорее, абстракцией до тех пор, пока БиГ представляет собой международный протекторат.

* * *

На постъюгославском пространстве заключению базовых соглашений с ЕС (Европейское соглашение в случае Словении и Соглашения о стабилизации и ассоциации с другими республиками) предшествовало достижение принципиального согласия между всеми системными политическими партиями, зачастую закреплённого в виде специальных парламентских резолюций и деклараций. Не существует ясных указаний, что такие соглашения рассматривались Брюсселем в качестве одного из условий продолжения переговоров или получения преференций в виде финансовой помощи, но можно предположить, что на политические партии оказывалось давление. К тому же сам механизм принятия практически единогласных парламентских резолюций в условиях, когда сохраняются

очевидные разногласия между политическими партиями относительно формата сотрудничества с ЕС, стал новацией и одновременно способом форсировать достижение консенсуса.

С учётом того, что подписание базовых соглашений фактически означало начало процесса реформ, в том числе внутривнутриполитических, в соответствии с требованиями ЕС, вполне логично, что Брюссель стремился получить принципиальное согласие, что дальнейшие шаги не будут заблокированы оппозицией. В частности, уже в текстах соглашений с интеграционным объединением в качестве одной из задач политического диалога утверждалась необходимость сближения позиций сторон по международным вопросам, включая содержание Общей внешней политики и политики безопасности⁵⁷. На практике, как стало ясно позднее, такое сближение подразумевало, например, присоединение к западной санкционной политике в отношении России и других стран.

Подвергаясь институциональному воздействию со стороны ЕС, политические партии меняли или смягчали свои программные установки по вопросу евроинтеграции.

Во-первых, системные левые партии, наследницы республиканских отделений Союза коммунистов Югославии, смешались в центр и переходили на социал-демократические позиции, отказываясь от идей югославизма и балканского федерализма в пользу альтернативного интеграционного объединения. Консенсус вокруг евроинтеграции в их случае ставил под вопрос даже ретроспективную лояльность Югославии как политическому проекту с ценностями антифашизма и антикапитализма, что имеет более масштабные последствия.

⁵⁵ Европа во криза. Последите врз јавното мислење со Северна Македонија. URL: https://idscs.org.mk/wp-content/uploads/2023/03/1_B5_Analiza_MKD-1.pdf (accessed: 01.08.2023).

⁵⁶ Europe: Conditional "Yes" for Bosnia – Western Balkans Must Accelerate Reforms. Balkan Insight. 08.11.2023. URL: <https://balkaninsight.com/2023/11/08/europe-conditional-yes-for-bosnia-western-balkans-must-accelerate-reforms/> (accessed: 30.11.2023).

⁵⁷ См., например, краткое содержание ССА Сербии с ЕС. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/stabilisation-and-association-agreement-with-serbia.html> (accessed: 01.08.2023).

Во-вторых, возникшие в конце 1980-х годов на базе диссидентских движений и эмигрантских кружков партии изначально создавались с опорой на синтез либеральных и националистических идей с отклонениями, например, вправо (Хорватия) или влево (Словения). В процессе евроинтеграции, который не имеет финальной точки даже для государств-членов ЕС, они стабилизировались с идейной точки зрения в районе правого центра. С одной стороны, проевропейский консенсус привёл к демонтажу наиболее радикальных этнонационалистических и суверенистских концепций, с другой – напротив, усилил консервативный поворот на базе антикоммунизма.

В-третьих, неспособные встроиться в консенсус малые евроскептические партии оказались отстранены на периферию политического процесса, потеряли предста-

вительство в парламенте и практически прекратили существование.

В целом европеизация политических партий на постъюгославском пространстве привела к утверждению идеологии радикального центразма, что стало гарантией устойчивости консенсуса вокруг евроинтеграции. Одновременно практически во всех странах постъюгославского пространства отмечалась тенденция к росту недовольства политикой ЕС, которая не находила политического отражения на уровне партийной и парламентской борьбы. На середину 2020-х годов сохраняется высокий уровень зависимости национальных правительств от обязательств, принятых в рамках переговоров с Брюсселем. Таким образом, возрастает демократический дефицит с точки зрения расхождений между общественным мнением и платформами политических партий.

Список литературы

- Boduszynski M.* Euroscepticism, the Croatian Way: Explaining Croatian Attitudes towards the EU // *Südosteuropa*. 2014. Vol. 62. No. 4. P. 500–522.
- Bojinović Fenko A., Svetličić M.* Slovenia and the European Union // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2017. 36 p.
- Börzel T., Risse T.* When Europe hits home: Europeanization and domestic change // *European Integration Online Papers*. 2000. Vol. 4. No. 15.
- Bučar M., Udovič B.* The Slovenian Perception of the EU: From Outstanding Pupil to Solid Member // *Comparative Southeast European Studies*. 2023. 71(3). P. 388–411.
- Butković H.* Croatia: The Government Should Take Citizens Seriously // *M. Caeding, J. Pollack, P. Schmidt (Eds.) Euroscepticism and the Future of Europe. Views from the Capitals*. Palgrave Macmillan, 2021. P. 21–23.
- Djurić D.* Montenegro's prospects for European integration: on a twin track // *South-East Europe Review*. 2004. No. 4. P. 79–106.
- Džankić J.* From creeping to sprinting: the foreign policy of Montenegro // *The Foreign Policies of Post-Yugoslav States: from Yugoslavia to Europe* / Ed. by S.Keil, B.Stahl. London: Palgrave, 2014. P. 173–197.
- Giddens A.* *Beyond Left and Right – the Future of Radical Politics* Cambridge: Polity, 1994. 284 p.
- Giddens A.* *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity, 1998. 166 p.
- Grabbe H.* *The EU's Transformative Power. Europeanization through Conditionality in Central and Eastern Europe*. Palgrave Macmillan, 2006. 208 p.
- Fink-Hafner D., Krašovec A.* Europeanization of Slovenian party system – from marginal European impacts to the domestication of EU policy issues? // *Politics in Central Europe*. 2006. Vol. 2. No. 1. P. 7–23.
- Klepač Pogrmilović B.* Europeanization of Croatian Political Parties // *Politička misao*. 2011. Vol. 47. No. 5. P. 96–116.
- Kustec Lipicer S., Cabada L.* Primerjalna analiza programskih usmeritev nacionalnih političnih strank o EU tematikah. Primer Češke in Slovenije [Comparative analysis of program priorities of national political parties on the EU issue. The example of the Czech Republic and Slovenia] // *M. Haček, D. Zajc (Eds.) Slovenija v EU: Zmožnosti in proložnosti*. 2005. P. 169–192.
- Ladrech R.* Europeanization and Political Parties: Towards a Framework for Analysis // *Party Politics*. 2002. Vol. 8. No. 4. P. 389–403.
- Mair P.* The Limited Impact of Europe on National Party Systems // *West European Politics*. 2000. Vol. 23. No. 4. P. 27–51.

- Mouffe Ch.* L'illusion du consensus [The Illusion of consensus]. Paris: Albin Michel, 2016. 200 p.
- Radaelli C.* Whither Europeanization? Concept stretching and substantive change // *European Integration Online Papers*. 2000. Vol. 4. No. 8.
- Ščekić B.* Politička previranja u Crnoj Gori 1996–1998. Godine // *Matica: časopis za društvena pitanja*. 2012. Str. 121–166.
- Schimmelfennig F.* Europeanization Beyond the Member States // *Journal for Comparative Government and European Policy*. 2010. Vol. 8. No. 3. P. 319–339.
- Skoko B.* Percepcija EU u hrvatskoj javnosti [Perceptions of the EU in Croatian public opinion] // *Anali Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju*. 2007. Vol. 3. No. 1. Str. 349–368.
- Stojić M.* Transformation or Defiance: The Impact of the European People's Party on Serbian and Croatian parties // *Politologicky časopis – Czech Journal of Political Science*. 2015. Vol. 22. No. 2. P. 146–167.
- Tarditi V., Vittori D.* Reshaping EU Attitudes? The Case of Social Democratic and Radical Left Parties in Spain and Italy // *Swiss Political Science Review*. 2019. Vol. 25. No. 2. P. 157–180.
- Todorović V.* Razlozi prestanka dominacije Srpske radikalne stranke na desnoj strani političke scene u Srbiji // *Politička revija*. 2022. No. 1. Str. 71–89.
- Zajc D.* Vloga nacionalnih parlamentov pri oblikovanju nacionalnih interesov v procesu globalizacije in vstopanja v EU [The role of national parliaments in shaping national interests in the process on globalization and accession to the EU] // *Teorija in Praksa*. 2002. Vol. 39. No. 4. Str. 669–690.

THE PRO-EU PARTY CONSENSUS DYNAMICS IN THE POST-YUGOSLAV SPACE

ANASTASIA MALESHEVICH

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines the evolution of domestic political consensus around European Integration in the countries of former Yugoslavia. Being on the different stages of accession process, these countries are exposed to Brussels' institutional influence which encourages domestic politics and policy change. Ambiguous attitude of national political actors towards the European Union at the start of negotiations did not impede reaching the agreement among almost all the political parties concerning EU accession as a priority goal. Domestic impact of European Integration described by the term Europeanization. The establishment of the pro-EU consensus is viewed as a specific case of the Europeanization of the post-Yugoslav political parties. Based on new institutionalism theory, the inquiry raises the question of how the interests and programmatic orientations of political parties in former Yugoslavia transform under direct or indirect influence of European institutions. European strategic orientation is formalized in unanimous parliamentary resolutions which preceded the signing of Europe / Stabilization and Association agreements. Consequently, any political alternative to European integration became radical, and therefore the Eurosceptic forces either marginalized or embraced the consensus. The paper concludes that the sustainability of the pro-EU consensus is reinforced by the ideological change of political parties towards the radical centrism which at the same time represents the EU institutional impact. The absence of political space to express the pursuit of alternative to European integration does not correctly reflect public opinion and reveals the democratic deficit issue.

Keywords:

European integration; Europeanization; post-Yugoslav space; Balkans; political parties; consensus; radical centrism.

References

- Boduszynski M. (2014). Euroscepticism, the Croatian Way: Explaining Croatian Attitudes towards the EU. *Südosteuropa*. Vol. 62. No. 4. P. 500–522.
- Bojinović Fenko A., Svetličić M. (2017). Slovenia and the European Union. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 36 p.
- Börzel T., Risse T. (2000). When Europe hits home: Europeanization and domestic change. *European Integration Online Papers*. Vol. 4. No. 15.
- Bučar M., Udovič B. (2023). The Slovenian Perception of the EU: From Outstanding Pupil to Solid Member. *Comparative Southeast European Studies*. 71(3). P. 388–411.
- Butković H. (2021). Croatia: The Government Should Take Citizens Seriously. In: M. Caeding, J. Pollack, P. Schmidt (Eds.) *Euroscepticism and the Future of Europe. Views from the Capitals*. Palgrave Macmillan. P. 21–23.
- Djurić D. (2004). Montenegro's prospects for European integration: on a twin track. *South-East Europe Review*. No. 4. P. 79–106.
- Džankić J. (2014). From creeping to sprinting: the foreign policy of Montenegro. In S. Keil, B. Stahl (eds.) *The Foreign Policies of Post-Yugoslav States: from Yugoslavia to Europe*. London: Palgrave. P. 173–197.
- Giddens A. (1994). *Beyond Left and Right – the Future of Radical Politics*. Cambridge: Polity. 284 p.
- Giddens A. (1998). *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity. 166 p.
- Grabbe H. (2006). *The EU's Transformative Power. Europeanization through Conditionality in Central and Eastern Europe*. Palgrave Macmillan. 208 p.
- Fink-Hafner D., Krašovec A. (2006). Europeanization of Slovenian party system – from marginal European impacts to the domestication of EU policy issues? *Politics in Central Europe*. Vol. 2. No. 1. P. 7–23.
- Klepač Pogrmilović B. (2011). Europeanization of Croatian Political Parties. *Politička misao*. Vol. 47. No. 5. P. 96–116.
- Kustec Lipicer S., Cabada L. (2005). Primerjalna analiza programskih usmeritev nacionalnih političnih strank o EU tematikah. Primer Češke in Slovenije. [Comparative analysis of program priorities of national political parties on the EU issue. The example of the Czech Republic and Slovenia] In: M. Haček, D. Zajc (Eds.) *Slovenija v EU: Zmožnosti in proložnosti*. P. 169–192.
- Ladrech R. (2002). Europeanization and Political Parties: Towards a Framework for Analysis. *Party Politics*. Vol. 8. No. 4. P. 389–403.
- Mair P. (2000). The Limited Impact of Europe on National Party Systems. *West European Politics*. Vol. 23. No. 4. P. 27–51.
- Mouffe Ch. *L'Illusion du consensus* [The Illusion of consensus]. Paris: Albin Michel. 200 p.
- Radaelli C. (2000). Whither Europeanization? Concept stretching and substantive change. *European Integration Online Papers*. Vol. 4. No. 8. URL: <http://www.eiop.or.at/eiop/pdf/2000-008.pdf>
- Ščekić R. (2012). Politička previranja u Crnoj Gori 1996–1998. godine. *Matica: časopis za društvena pitanja*. Str. 121–166.
- Schimmelfennig F. (2010). Europeanization Beyond the Member States. *Journal for Comparative Government and European Policy*. Vol. 8. No. 3. P. 319–339.
- Skoko B. (2007). Percepcija EU u hrvatskoj javnosti [Perceptions of the EU in Croatian public opinion]. *Analiza Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju*. Vol. 3. No. 1. Str. 349–368.
- Stojić M. (2015). Transformation or Defiance: The Impact of the European People's Party on Serbian and Croatian parties. *Politologicky časopis – Czech Journal of Political Science*. Vol. 22. No. 2. P. 146–167.
- Tarditi V., Vittori D. (2019). Reshaping EU Attitudes? The Case of Social Democratic and Radical Left Parties in Spain and Italy. *Swiss Political Science Review*. Vol. 25. No. 2. P. 157–180.
- Todorović V. (2022). Razlozi prestanka dominacije Srpske radikalne stranke na desnoj strani političke scene u Srbiji. *Politička revija*. No. 1. Str. 71–89.
- Zajc D. (2002). Vloga nacionalnih parlamentov pri oblikovanju nacionalnih interesov v procesu globalizacije in vstopanja v EU [The role of national parliaments in shaping national interests in the process on globalization and accession to the EU]. *Teorija in Praksa*. Vol. 39. No. 4. Str. 669–690.